

«Я САМ ИЗ ЭТОГО ГАРАЖНОГО КООПЕРАТИВА»

50 лет назад юный Эдик Рязанов собирался на свое первое занятие во ВГИК

Эльдар Александрович, как-то так получается, что сюжеты из ваших фильмов удивительным образом проецируются на нашу действительность. То танки против народа в "Небесах обетованных", то в "Гараже" пайщики встают друг против друга стенка на стенку — будто два митинга на Васильевском спуске: Или оттуда же — лишенный права выступать депутат Марычев с плакатом, то есть онемевший герой Мягкова.

— Я не знаю, как получается насчет предсказаний. Просто я здесь живу и эту жизнь впитываю, понимаю про нее очень много. Не все, сейчас я вообще в этой жизни мало-что понимаю, но раньше я ее понимал и пытался отражать. Я думаю, что художник должен отражать глубинные интересы общества, а не сиюминутные, которые зачастую не совпадают.

Я часть своей страны, своего народа. И интересы, надежды, тревоги основного числа людей —

Они и мои, я в этом смысле, как говорится, типичный представитель. Наверное, поэтому мои фильмы смотрело много народу — это главное. И высоко-любая интеллигенция, и "средняя", и интеллигенция в первом поколении, рабочая аристократия, крестьянская аристократия. И вообще всякие люди. Я никогда не пытался подделываться, мне удавалось оставаться самим собой, и это совпадало с мыслями и надеждами многих людей.

— Хотя сначала, при коммунистах, комедии считались фильмами второго сорта. Потом в перестройку у критиков стало модно сталкивать их лба-ми с элитарным кино. Помню в "Искусстве кино" прочитал о "великом рязановском утешительстве": мол, хоть и нужно было оно народу, но это не Со-курор.

(Окончание на 7-й стр.)

Рязанов Эльдар

— Были разные статьи — и пренебрежительные, и погромные. Хотя "великим утешительством" я могу только гордиться. Утешить народ и при этом не врать — такое редко встречается.

А в элитарном кино есть первопророды и есть эпигоны. Хотя, оказывается, эпигоны — лучше. Семь греческих царей объявили войну Фивам. Шестеро погибли, и Фивы они не захватили. Через двадцать лет их сыновья пошли на Фивы и победили. И их назвали эпигонами. После этого говорить о справедливости истории невозможно.

Первопророды — это Феллини, Тарковский, это был Гриффит в свое время. А дальше пошли эпигоны. А поскольку среди критиков тоже много эпигонов... Мафия. Делать "элитарное кино" и писать заумные статьи — очень просто. Только нужна особая простота. Тарковщина и Тарковский — разные вещи. Мое отношение к эпигонам — пусть живут и здравствуют. А новаторов надо холить и лелеять, они редки.

Я работаю в жанре комедии. Она должна быть общедоступной, зритель не может разгадывать ее, как ребус. Единственный, с моей точки зрения, гений в кино — Чаплин. Его киноязык из нашего времени выглядит довольно примитивно. Статичная камера, отсутствие изобразительных изысков, простой кадр.

— Когда я учился в МАИ, у нас был кино-клуб. Раз туда приехал ваш ученик Иван Дыховичный... Впрочем, вы же тоже у нас были. Помните: два выступления в один вечер — я был на первом, и вам прислали записку: как, мол, не стыдно халтурить и деньги зарабатывать. И вы ответили: пусть этот человек останется на второе выступление и посмотрит, будет ли "халтура". Моя знакомая была на втором и сказала, что он извинился.

— Первый раз, когда я поехал выступать в Ригу, у меня было по три выступления в день. Я подумал: "Не могу же я говорить одно и то же", — и покаялся ни разу не повториться. Три дня по три выступления — я действительно не повторился и вдруг понял, что наговорил кнгу.

— "Неподведенные итоги?"

— Нет — "Эти несерьезные, несерьезные фильмы".

— А вот ваша статья в "Правде" в 81-м году называлась "Комедия — дело серьезное".

— Заголовки они сами ставили. Вы же это понимаете.

— Понимаю. Так вот, о Дыховичном. Он сказал: "Рязанов говорил: "Зачем дали деньги Тарковскому, чтобы переснимать "Сталкера"? Я это сам слышал".

— Ваня Дыховичный, которого я люблю и отношусь с большой симпатией, был на моем курсе белой вороной. Он снял фильм "Черный монах" и посвятил его Тарковскому. Я и Георгий Данелия убеждали его снять это посвящение (картину он сделал в нашем объединении комедийных фильмов), потому что никакого отношения к Тарковскому не было. Но он оставил. Он может считать себя духовным наследником Андрея Арсеньевича — это его личное дело. Но учился он у меня и, видимо, чему-то научился. А меня учил Сергей Михайлович Эйзенштейн, но я работаю в совсем другой манере.

— Я раньше думал: вот снял Рязанов "Человека ниоткуда", фильм разругали, через два дня сняли с проката, положили на "полку" — пришлось делать "Гусарскую балладу", уходить в прошлый век, в романтику. Так же и после "Гаража" последовало "оправдание" "Бедным гусаром". А оказывается, и чтобы пробить "Гусарскую балладу", пришлось показывать ее зятю Хрущева, и "Гусара" мордовали.

— До "Забойной мелодии для флейты" палаческие чиновничьи руки в разной степени касались всех картин. Вот за четыре последних фильма — "Забойная мелодия для флейты", "Дорогая Елена Сергеевна", "Небеса обетованные" и "Предсказание" — я несую полную ответственность.

В фильме "О бедном гусаре замолвите слово" Бубенцов—Леонов говорит Мерзляеву—Басилашвили: "Можно я стихи почитаю?". И читает "Прощай, немытая Россия..." А Мерзляев говорит: "Стихами не надо. Ваши выкрики мы уже утвердили". И мне сказали: "Не надо." Точно повторилась ситуация фильма. И в фильме звучит "Сиху за решеткой в темнице сырой". Мне запретили упомянуть Третье отделение. "Бы очернили Третье отделение", — это говорили мне коммунисты в конце двадцатого века. Ясно, что мы делали фильм о Лубянке. Мерзляев должен был быть штабс-капитаном Третьего отделения. Пришлось несильно менять сценарий, делать его штатским, стукачом по мундиру, а по произношению. Но почему его все тогда боялся и слушаются? Пришлось делать его графом, действительным тайным советником...

— Секретарем горкома...

— ...И просто платный осведомитель Артюхов, которого играл Бурков, стал его крепостным камердинером, который подличал за обещанную волю.

— Но в то же время в "Служебном романе" секретарша Верочка говорит Калугиной: "Большие брови сейчас не носят." И в ктэму не придрались. Насчет бровей — вы Брежнев имели в виду?

— Я не помню уже. Вообще твяканье из подворотни — это меня не интересовало никогда.

У меня есть фильм-фильон, которым я не очень горжусь, — "Дайте жалобную книгу". Там Парфенов играл управляющего ресторанным трестом и играл его под Хрущева — типичный престонародный, нахлбученная шляпа, макинтош с длинными рукавами, ездит на "ЗИЛе". И вот во время одной из съемок приходит Александр Галич, который был одним из авторов сценария, и говорит: "Сегодня сняли Хрущева". И мой фильм неожиданно стал конъюнктурным. Он получил премию ЦК ВЛКСМ, какие-то грамоты, радиоприемники. Хотя я этого совершенно не желал и понимал, что Хрущев лучше предшественника. И, как оказалось, лучше последующего. Дремучая страна была. Такой и осталась. Даже к "Невероятным приключениям итальянцев в России" придрались.

— К ним-то за что?

— "Вы оскорбили итальянцев!" — сказали нам в Госкино. Я прямо рухнул.

— Значит, итальянцы, которые играли, писали сценарий, музыку, не заметили, что их оскорбили?

— Так даже французы купили "Гусарскую балладу" и крутили ее, хотя там французоз дубасят ножками от стола по башке и вообще убивают пачками. Им хватило чувства юмора.

— И что же делать с дремучей страной без чувства юмора?

— Главная задача искусства — просветительство. Но не скучное — живое. Человек не должен замечать, что его воспитывают. Нужно будить добрые чувства. Может быть, я старомоден, но на том стою и думаю, что это вне моды. Цензура нужна, но в каждом человеке собственная. Нужно быть патриотом — в высоком смысле слова, а не англоповском. Совестить иметь, чувство долга. Соизмерять, принесет ли пользу твоё дело, послужит ли просветительству. Ведь народ темный, невежественный, развращенный за семьдесят большевистских лет. Да и вообще русский характер — при Петре купцы продавали воюющему царю сырой

порох и гнилое сукно. А при скрещивании с ленинско-сталинским социализмом вообще получилась жуткая гремучая смесь.

Я недавно проехал по Лужникам в конце дня, когда рынок кончился и торговцы за собой ничего не убрали. Огромная свалка — то, что я снимал в "Небесах обетованных". Но я-то думал, что делаю фильм о небольшой группе людей, а оказалось, что — о Москве, о стране и о народе. Жизнь, к сожалению, "идет навстречу". Больше того — на Мадридском фестивале "Небеса" получили приз как лучший фантастический фильм. Я снимал фильм, какие мы убогие, нищие, страшные, а они восприняли это как изысканную фантастику.

— "Вокзал для двоих" послали в Канн.

Думаю, французам тоже было трудно понять нашу действительность. Официантка собирает гарниры, квартиры на отшибе, видеомангофон — чудо невиданное, машина и поездка в Алжир — "жизнь на Луне", спекулянт дядя Миша — по идее отрицательный персонаж — излагает совершенно справедливые принципы нормальной торговли.

— Очень любопытная история, как "Вокзал для двоих" поехал в Канн. На нем же было клеймо "антисоветского фильма". По стране некоторые секретари обкомов запретили его показывать, Егорьев, посол в Дании, снял его из Недели советского кино. Бондарчук тоже сказал, что это антисоветский фильм, а Бондарчук был чле-

ном жюри Каннского фестиваля. Приезжает французский эмиссар, отбирает три картины — в том числе и мою. А им потом посылают две — без "Вокзала". Тут уже французы взбеленились: вынь да положи! Я тогда пошел к председателю Госкино Ермашу и сказал: "Надо заменить или картину, или члена жюри". Но и то, и другое приглашали французы.

— А самое удивительное — герой "Вокзала для двоих" бежит не из тюрьмы, как во всем мировом кинематографе, а бежит со свободы в тюрьму.

— Это невиданная история, она произошла в 53-м году с Ярославом Смеляковым. Он трижды сидел при Сталине, и когда Сталин умер, все ждали амнистии. А Валерий Фрид и Юлий Дунский уже вышли и жили недалеко от лагеря. Смелякова отпустили к ним. Они крепко врезали, проспали, и утром молодые еще Фрид и Дунский тащили на себе старого ээка Смелякова, чтобы не опоздать к проверке. Они мне это рассказывали, и в результате эта история трансформировалась в любовную.

А когда жена сидела за рулем и сбила человека, а муж звал вину на себя — это тоже произошло с известными деятелями искусства, а их не буду называть.

— И "Ирония судьбы" была?

— Была. Это приписывается Богословскому. 31 декабря компания хорошо попила, и шутник Б. — как бы Богословский — придумал отвезти пьяного товарища на вокзал. Его сунули в общий вагон, дали десятку проводнице — и человек оказался в Киеве с пятнадцатью копейками в кармане. Так родились пьеса и фильм.

И "Зигзаг удачи" — подлинная история. В одном учреждении человек собирал взносы и покупал на них облигации. Если выигрывал, он погашал трату, а если нет — он их сдавал и терял совсем немного.

Я уж про "Гараж" не говорю. Я сам был в этом кооперативе. На стол там не ложились и документов не ели, но все остальное совпадает. Как появился "сын Милосердова"? В нашем кооперативе был сын Промыслов, а мы сначала хотели сделать "сына Коромыслова". Но нам сказали: "Вы с ума сошли!" Пришлось менять фамилию.

— "Карнавальная ночь", "Зигзаг удачи", "Ирония судьбы, или С легким паром!". Будет ли еще одна новогодняя история?

— Я не знаю. Раньше я выбирал Новый год сознательно — это был единственный беспартийный праздник. В другие дни — 1 Мая, 8 Марта или 7 ноября — ничего не происходило и не могло произойти. А под Новый год случались грандиозные вещи. Перед премьерой "Иронии судьбы" я записал выступление. 31 декабря мне звонят: "Надо переписать". Оказалось, я назвал фильм "рождественской сказкой", а у нас Рождества нет — есть только Новый год, — и поблагодарил телевидение за то, что они показывают фильм в хорошее время. "А в какое время иначе мы должны показывать?" И 1 января в три часа дня я приехал в студию, где ждали пятнадцать человек, которым сорвали праздник, и переговорил выступление, где не сказал про Рождество и не поблагодарил

телевидение. Но это же денег стоило! И рядом сидели два человека в серых костюмах, следившие, чтобы я опять чего не сказал.

Или перед "Берегись автомобиля" меня вызвал председатель Госкино Романов: "Правда, что у вас будет играть Смоктуновский? Он же только что сыграл Ленина, а теперь будет играть жулика?" Я говорю: "Но он же будет играть в другом гриме. Что же, теперь после Ленина Смоктуновский ни к девушке сходить не может, ни водки выпить?" — "Не может". Хорошо, что в этот день министр уезжал в отпуск, торопился, и судьба фильма решилась благоприятно. А когда я уже был в дверях, услышал за спиной: "Да... Неразборчивый у нас Смоктуновский". Я понял: есть — "у нас", есть — "у них".

Стоп-кадр: "Чтоб твои министры нам не мешали!" ("Служебный роман")

Наверное, молодые люди в такое уже не верят, смотрят на меня, как на старого Мюнхгаузена.

— Почему же, я помню, и как "Иронию судьбы" при борьбе с алкоголизмом не показывали...

— Несколько лет фильм возглавлял список "нерекомендованных к показу".

— ...И как "Гараж" травили. Как в "Останкино" была встреча с Чаковским, ему задали вопрос про "Гараж", и он ответил: "Чушь собачья".

— Чаковский вел со мной душевительные

беседы: как я хорошо начинал и как не туда иду. Он мне устроил отеческую выволочку на редколлегии "Литературной газеты", где он был главным редактором, — за "Гараж" и за "Бедного гусара". Жалею только, что не записал все перлы — это все-таки литераторы были! Хотя первые вещи Чаковского — повесть "Лида", например — были очень симпатичные — под Хемингуэя.

— Фильм "Дорогая Елена Сергеевна" выливается из общего ряда ваших лент.

— Я не люблю его пересматривать — это единственный фильм, после которого не хочется жить. Я приходил со съемком, как после кошмара, я ненавидел моих юных актеров, невольно переключая на них грехи героев. Когда они пришли на озвучание, я увидел: милые, симпатичные люди. А запустили фильм под псевдонимом — "Последний экзамен", — потому что ЦК КПСС лишил пьесу Разумовской "лита".

Эльдаром Александровичем мы беседовали в полупустом августовском Доме кино. Как всегда летом, идет ремонт с привлечением посторонних сил. Двое молодых солдат, улыбаясь явно не по уставу, превращали нашу плавную беседу, чтобы взять автограф — прямо на военном билете. Я посоветовал написать туда "увольнительную", но Рязанов решил, что напишет сразу "дембель".

Как тут не вспомнить историю с Язовым.

Стоп-кадр: "Папа! Твой казарменный юмор здесь совершенно неуместен!" ("Берегись автомобиля")

— Военные приходили во ВГИК, искали документы 44-го года, когда я поступил. Язов хотел отдать меня под суд, будто я дезертир, бежал с фронта. Что мне тогда было шестнадцать с половиной лет — это никого не интересовало. Меня вызвали к военному прокурору, я знаю автора доноса. В "Правде" по мне ударил генерал Самойлов, Герой Советского Союза, в "Красной звезде" — майор Кравченко, Герой Советского Союза, а в газете "Советский патриот" — старшина какой-то, тоже Герой Советского Союза. Еще три генерала послали на меня оскорбительную бумагу в ЦК КПСС, которая, спускаясь по инстанциям, дошла до "Мосфильма" и попала ко мне. Я каждому написал, что подам в суд на каждого, если они не извинятся. Двое откликнулись немедленно, и в "огоньковской" статье я оставил только их должностные, а фамилию дал третью. А когда уже журнал выходил, третий откликнулся — был в отпуске и мое письмо получил поздно. И в "Неподведенных итогах" я указал лишь должностности.

А все началось с чего — с невинного рассказа. Мой друг Вася Катанян, который был на военных сборах, прислал письмо: "Живу в палатке, и если ты слышишь по радио: "На почве заморозки", — то знай — это заморозки на мне". И лучше у него было время, когда он был в денщиках у лейтенанта, возил лейтенантшу на базар и утирал копии лейтенантским детям. Как?! В Советской Армии нет денщиков! А тут еще я "Чонкина" собирался ставить. Ну и началось: мерзавец, дезертир, клеветник, хочет обогатить непобедимую и легендарную, в боях познавшую радость побед. Но с одним предсказанием я очень ошибся. На

одной из встреч мне задали вопрос о Язове. Я сказал, что Язов, по-моему, бездарный генерал, но честный, верный служака, Горбачев его держит, потому что он не предаст. Ошибся я. Но у Язова действительно был такой вид. Придется признать: я — плохой физиономист.

Стоп-кадр: "Вовремя передать — это не передать, а предвидеть" ("Гараж")

— Документы, которые искали во ВГИКе язовцы, говорят, что вы поступили туда ровно пятьдесят лет назад, 1 сентября вы отмечаете полвека жизни в кино.

— На РентВ я сделал цикл "Неподведенные итоги" из пяти передач, он пойдет по НТВ.

— Но на телевидении вы появляетесь гораздо чаще, правда, незримо. Одна обувная фирма крутит свои рекламные ролики под ваше "У природы нет плохой погоды".

— Совершенно пиратски взяли песню, не спросили. Я хотел в суд подать, но Гриша Горин меня отговорил: "Только нервы потратишь". Действительно, противно.

— А я-то думал, вы потому эту рекламу не трогаете, что вам нравится: стихи ваши читают.

— Наша реклама мне в основном не нравится. Мне нравятся некоторые как бы исторические клипы, я смотрю на них как на попытку просветительства. А Леню Голубкова, например, я даже ни разу не видел — единственный человек в стране. Все говорят: "Леня, Леня", — а я думаю: "Боже, какой я несовременный!" Ведь даже Ельцин о нем на пресс-конференции сказал, а я думаю: "Кто же это такой?"

— Президенту положено всех видеть. А как он вам показался с близкого расстояния?

Стоп-кадр. "Этот тип замаскировался на самое святое, что у нас есть, — на Конституцию!" ("Берегись автомобиля")

— Вы знаете, во второй передаче, где я задавал резкие, нелюбимые вопросы, Борис Николаевич произвел на меня замечательное впечатление. Во-первых, он меня пригласил до беседы и сказал: "Я знаю, что у вас тяжело болеет жена. Может быть, мы перенесем?" Но я отказался: я был весь в болезни жены, и мне было важно занять себя работой. И, может быть, вследствие этого я не церемонился по части вопросов президенту, хотя отношусь к нему с симпатией. Мы с ним по одну сторону баррикад. Во-вторых, он на все отвечал честно, паузы были длинные, и они дорогого стоят. Как он ответил про снос Ипатьевского дома: он в то время обладал уже достаточной силой, чтобы не выполнить распоряжение ЦК КПСС о сносе, но этого не сделал и себе никогда не простит. Он хорошо выдержал трудный экзамен. В-третьих, никто моих передач не проверял, не смотрел, и я знаю: Ельцин был в день эфира в Туле, планировал свой день, чтобы посмотреть, и смотрел передачу вместе со всеми.

Это не значит, что у меня нет претензий к президенту, но в основном я его поддерживаю.

— Подсчитано, что ваше сидение на ельцинской кухне перед референдумом принесло президенту несколько миллионов голосов.

— В основном это заслуга Наины Иосифовны. Кстати, там была занятная вещь. Я спросил Бориса Николаевича: "Что вы умеете готовить?" И он ответил: "Фаршированную рыбу". Я говорю: "Что?!" Наина Иосифовна подтверждает: "Правда. Готовит, но редко". И мы это вырезали, чтобы не нанести вреда перед референдумом. И так уж в подворотнях писали "Беня Ельцин". Хотя по его лицу видно, что он типичный русак. Как говорил Высоцкий, "если кто и влез ко мне, так и то — татарин".

Стоп-кадр: "Какая гадость, какая гадость эта ваша заливная рыба!" ("Ирония судьбы, или С легким паром!")

— Что еще не вошло в эти передачи?

— Не вошел такой момент. У Ельцина висела картина Шемякина. Я спросил про нее, он ответил: "Шемякин подарил". Вырезали — надо было уложиться в метрж.

— Больше вы с ним не планируете беседовать?

— Во-первых, я не летописец Бориса Николаевича. В первом случае его судьба была неясна перед референдумом и я хотел ему помочь. Во втором — после путча, — наоборот, у меня к нему было полно вопросов — как у очень многих граждан.

— Но после этого вы встречались?

— Один раз меня пригласили, когда был прием в честь приехавшего Клинтона, и я вместе с Зурабом Церетели, министром культуры Сидоровым пожимал руку обоим президентам.

— А до передач?

— Мы один раз виделись во время первых выборов в депутаты СССР. Мы все — Волгогозов, космонавт Леонов, Черниченко, Афанасьев, Ельцин, я — шли кандидатами по Гагаринскому округу. Сначала по неопытности думали: чем больше будет прогрессивных демократических кандидатов, тем лучше, а ведь мы только мешали друг другу в одном округе. Это было заседание окружной комиссии, на котором пытались Ельцину вставить палки в колеса, заставляли переголосовывать, дирижировали. Мы возмущались. Ельцин даже написал об этом в "Исповеди на заданную тему": "Всегда веселый, довольный и оптимистичный Эльдар Рязанов готов был взорваться от гнева". Собрание превратилось в творческий вечер Ельцина. Он был третьим по алфавиту, и вопросы к нему продолжались до двух часов ночи. До остальных очередь уже не дошла.

— А с другими вождями вы не общались — не считая, конечно, вызовов к министру?

— Нет. Один раз мне позвонил Александр Николаевич Яковлев — после телевизионного вечера в честь моего шестидесятилетия. Я с ним не был знаком и сначала подумал, что это розыгрыш. Он похвалил очень мой вечер, сказал, что разделяет многое из моего выступления. Я тогда осмелел и спросил: "Я хочу "Чонкина" ставить — можно связаться с Войновичем?" Он ответил: "Пока еще не время. Свяжитесь с ним в частном порядке". Но главную цель звонка я понял потом. Он сказал: "Если у вас начнутся неприятности, знайте — мы вас поддержим". И потом как раз началась язовская травля. Это значит, он меня просто предупредил, чтоб я не падал духом. Мол, не обращайтесь внимания, работайте.

— И что дальше, Эльдар Александрович, каковы творческие планы?

— Я сделал пять передач на РентВ, 21 сентября по "Останкино" покажут мой последний фильм "Предсказание".

— Это ваш знакомый Яковлев так первую годовщину ельцинского указа № 1400 отмечает?

— Вот уж не знаю... Считается, что этот фильм в прокате шло, но его никто не видел и не знает. А потом... Сейчас очень сложно в кино. Первая проблема — деньги, вторая — выйдет ли в прокат. Тратить год жизни, здоровье, не спать ночами, чтобы потом не вышло... Мне есть, что ставить, но я пока не решил. Посмотрим, что перевесит: любовь к профессии и авантюризм или мудрость пожилого человека.

— Надеюсь, что любовь. И мне, пожалуй, ста, тоже автограф. Вот двухтомник недавно купили — Эмил Благинский и Эльдар Рязанов: "Сценарий".

— А за сколько купили?

— Не помню. Но знаете где? В книжном киоске бывшей спецстоловой ЦК КПСС, теперь — администрации президента.

— Это неважно характеризует администрацию. Могли бы и раскупить.

ЖЗЛ МК Михаил ТУРЕВИЧ

ном жюри Каннского фестиваля. Приезжает французский эмиссар, отбирает три картины — в том числе и мою. А им потом посылают две — без "Вокзала". Тут уже французы взбеленились: вынь да положи! Я тогда пошел к председателю Госкино Ермашу и сказал: "Надо заменить или картину, или члена жюри". Но и то, и другое приглашали французы.

— А самое удивительное — герой "Вокзала для двоих" бежит не из тюрьмы, как во всем мировом кинематографе, а бежит со свободы в тюрьму.

— Это невиданная история, она произошла в 53-м году с Ярославом Смеляковым. Он трижды сидел при Сталине, и когда Сталин умер, все ждали амнистии. А Валерий Фрид и Юлий Дунский уже вышли и жили недалеко от лагеря. Смелякова отпустили к ним. Они крепко врезали, проспали, и утром молодые еще Фрид и Дунский тащили на себе старого ээка Смелякова, чтобы не опоздать к проверке. Они мне это рассказывали, и в результате эта история трансформировалась в любовную.

А когда жена сидела за рулем и сбила человека, а муж звал вину на себя — это тоже произошло с известными деятелями искусства, а их не буду называть.

— И "Ирония судьбы" была?

— Была. Это приписывается Богословскому. 31 декабря компания хорошо попила, и шутник Б. — как бы Богословский — придумал отвезти пьяного товарища на вокзал. Его сунули в общий вагон, дали десятку проводнице — и человек оказался в Киеве с пятнадцатью копейками в кармане. Так родились пьеса и фильм.

И "Зигзаг удачи" — подлинная история. В одном учреждении человек собирал взносы и покупал на них облигации. Если выигрывал, он погашал трату, а если нет — он их сдавал и терял совсем немного.

Я уж про "Гараж" не говорю. Я сам был в этом кооперативе. На стол там не ложились и документов не ели, но все остальное совпадает. Как появился "сын Милосердова"? В нашем кооперативе был сын Промыслов, а мы сначала хотели сделать "сына Коромыслова". Но нам сказали: "Вы с ума сошли!" Пришлось менять фамилию.

— "Карнавальная ночь", "Зигзаг удачи", "Ирония судьбы, или С легким паром!". Будет ли еще одна новогодняя история?

— Я не знаю. Раньше я выбирал Новый год сознательно — это был единственный беспартийный праздник. В другие дни — 1 Мая, 8 Марта или 7 ноября — ничего не происходило и не могло произойти. А под Новый год случались грандиозные вещи. Перед премьерой "Иронии судьбы" я записал выступление. 31 декабря мне звонят: "Надо переписать". Оказалось, я назвал фильм "рождественской сказкой", а у нас Рождества нет — есть только Новый год, — и поблагодарил телевидение за то, что они показывают фильм в хорошее время. "А в какое время иначе мы должны показывать?" И 1 января в три часа дня я приехал в студию, где ждали пятнадцать человек, которым сорвали праздник, и переговорил выступление, где не сказал про Рождество и не поблагодарил

телевидение. Но это же денег стоило! И рядом сидели два человека в серых костюмах, следившие, чтобы я опять чего не сказал.

Или перед "Берегись автомобиля" меня вызвал председатель Госкино Романов: "Правда, что у вас будет играть Смоктуновский? Он же только что сыграл Ленина, а теперь будет играть жулика?" Я говорю: "Но он же будет играть в другом гриме. Что же, теперь после Ленина Смоктуновский ни к девушке сходить не может, ни водки выпить?" — "Не может". Хорошо, что в этот день министр уезжал в отпуск, торопился, и судьба фильма решилась благоприятно. А когда я уже был в дверях, услышал за спиной: "Да... Неразборчивый у нас Смоктуновский". Я понял: есть — "у нас", есть — "у них".

Стоп-кадр: "Чтоб твои министры нам не мешали!" ("Служебный роман")

Наверное, молодые люди в такое уже не верят, смотрят на меня, как на старого Мюнхгаузена.

— Почему же, я помню, и как "Иронию судьбы" при борьбе с алкоголизмом не показывали...

— Несколько лет фильм возглавлял список "нерекомендованных к показу".

— ...И как "Гараж" травили. Как в "Останкино" была встреча с Чаковским, ему задали вопрос про "Гараж", и он ответил: "Чушь собачья".

— Чаковский вел со мной душевительные

беседы: как я хорошо начинал и как не туда иду. Он мне устроил отеческую выволочку на редколлегии "Литературной газеты", где он был главным редактором, — за "Гараж" и за "Бедного гусара". Жалею только, что не записал все перлы — это все-таки литераторы были! Хотя первые вещи Чаковского — повесть "Лида", например — были очень симпатичные — под Хемингуэя.

— Фильм "Дорогая Елена Сергеевна" выливается из общего ряда ваших лент.

— Я не люблю его пересматривать — это единственный фильм, после которого не хочется жить. Я приходил со съемком, как после кошмара, я ненавидел моих юных актеров, невольно переключая на них грехи героев. Когда они пришли на озвучание, я увидел: милые, симпатичные люди. А запустили фильм под псевдонимом — "Последний экзамен", — потому что ЦК КПСС лишил пьесу Разумовской "лита".

Эльдаром Александровичем мы беседовали в полупустом августовском Доме кино. Как всегда летом, идет ремонт с привлечением посторонних сил. Двое молодых солдат, улыбаясь явно не по уставу, превращали нашу плавную беседу, чтобы взять автограф — прямо на военном билете. Я посоветовал написать туда "увольнительную", но Рязанов решил, что напишет сразу "дембель".

Как тут не вспомнить историю с Язовым.